

Грищенко А.И. Трансформация фразеологизмов и паремий в поэзии Николая Моршена // Фразеология и когнитивистика: Материалы 1-ой Междунар. научн.конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 г.): В 2 тт. / Отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. — Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. — С. 66-69.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ МОРШЕНА

А.И. Грищенко

Россия, г. Москва, Московский педагогический
государственный университет
alexander@grishchenko.ru

Одной из самых актуальных проблем современной фразеологии является проблема функционирования фразеологизмов в речи, в том числе художественной, где нередко наблюдается их трансформация, прежде всего авторская, лексикографическому описанию которой уделили особое внимание в своём уникальном словаре А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, отмечая, что «словарная разработка индивидуально-авторских употреблений Ф<разеологических> Е<диниц> поможет оценить художественное мастерство писателей, проявляющееся в творческом применении языковых образов» (2005: 4). В связи с этим большой интерес представляет творчество авторов малоизвестных, но самобытных, языкотворцев и экспериментаторов, каким был Н.Н. Моршен (1917, Бирзула Одесской губ. — 2001, Монтеррей, Калифорния) — русский поэт-эмигрант «второй волны», чей «несокрушимый оптимизм, редкий для поэзии русской эмиграции, вызвал к жизни и особые художественные формы» (Агеносов В.В., 1998: 454), среди которых выделяются и разнообразные трансформации фразеологизмов (в широком смысле: собственно идиом, а также паремий). Тексты поэта цитируются по изданию (Моршен Н., 2000).

Стандартных, системно обусловленных, семантических и структурно-семантических преобразований в поэтическом языке Н. Моршена не так много, и они обычно являют собой реализацию не одного, а сразу нескольких типов и моделей, классифицированных и разобранных А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко (2005: 17-32), напр.: *Я, как нищий, здесь уныло // Шёл с протянутой душой* (Моршен Н., 2000: 193) — **замена компонента** фразеологизма *ходить с протянутой рукой* ‘просить подаяния, нищенствовать’ (пункт I.1.2 в разделе «Структурно-семантические преобразования ФЕ» указанной классификации); *Здесь поколение за поколением // Сплошь наказание без преступления* (Там же: 116) — во-первых, **расширение компонентного состава** (п. I.1.1) прецедентного выражения *преступление и наказание* (Ф.М. Достоевский, М.М. Зощенко) при помощи наречия *сплошь*; во-вторых, **переход утвердительной формы и наказание** ‘наличие наказания’ **в отрицательную** (п. I.4) *без наказания* ‘отсутствие наказания’; то же сочетание моделей трансформации (осложнённое **дистантным расположением компонентов** (п. I.2.1) и **внешним синтаксическим преобразованием** (п. I.3.3): обычно составляющая отдельное нечленимое предложение поговорка *пан или пропал / либо пан, либо пропал* встаёт в

позицию предиката в составе членимого предложения): *Он не пропал, он вечно пан* (Там же: 171), ср. другую, уже окказиональную, трансформацию той же поговорки: *Царём поэтов русских стал <...> Наш полу-Пан, полу-пропал* (Там же, 225) — здесь компоненты нечленимого в норме предложения субстантивируются и выступают в роли подлежащего (гораздо реже встречается в позиции предиката — см. выше или у А.К. Толстого: *Он играет ва-банк; он пан или пропал*), а также осложняются словообразовательным приращением *полу-* и омонимией *пан* ‘господин’ vs *Пан* ‘козлоногий и рогатый бог лесов, пастбищ и скота’.

Замена компонента устойчивого выражения может обыгрываться Н. Моршеном при помощи целой риторической фигуры, например **хиазма**: *Из «cogito, a значим sum», // Извлёк я истину простую: // Чудить способен только ум — // Рифмую, ergo существую* (Там же: 211) — крылатое выражение Р. Декарта сначала дано в полупереведённом виде, затем в трансформированном, но уже с другим непереверждённым компонентом, который был переведён выше; таким образом, возник эффект нарочито ложного перевода, сблизивший оба понятия: *cogito* → *рифмую* (т.е. практически *cogito* = *рифмую*). Примечательно, что в другом стихотворении Н. Моршен приводит авторский, отличный от канонического (аллитерированный, более буквальный и лаконичный; обычно *(я) мыслю, значит (следовательно) существую*: Ашукины, 1955: 625), перевод декартовского *Cogito, ergo sum: Я мыслю, посему я есмь* (Моршен Н., 2000: 278).

Гораздо чаще встречаются в поэтическом языке Н. Моршена и, безусловно, несут бóльшую художественную нагрузку **индивидуально-авторские** (окказиональные) преобразования фразеологизмов, к которым А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко (2005: 30) относят в т.ч. **контаминацию** фразеологических единиц (п. 2.2.7) — один из самых частотных, если не ведущий, тип трансформации идиом и паремий у Н. Моршена, напр., в стихотворении «Ода эволюции»: *От альфы и до ижицы <...> Всё плавится и движется* (Моршен Н., 2000: 97) (*от альфы до омеги & от аза до ижицы* — происходит своеобразное смешение культурных кодов, греческого и славянского, подчёркивающее всеохватность, всеобщность воспеваемой им эволюции); *...Дабы воздушный замок твой // Построить на песке* (*строить воздушные замки & построить на песке*; кроме того, здесь же наблюдается расширение компонентного состава, синтаксическая инверсия (п. I.2.2) и внутренняя морфологическая трансформация (п. I.3.2) первого фразеологизма, причём двойная: *строить* → *построить* и *замки* → *замок*).

Важную роль в идиостиле Н. Моршена играют также окказиональные фразеологизмы, **основанные на структурно-семантической (ролевой) инверсии** (Мелерович А.М., Мокиенко В.М., 2005: 28), которую можно рассматривать как разновидность хиазма. Так, стихотворение «Еретик» (Моршен Н., 2000: 255) начинается трансформированным по данной модели евангельским изречением «Если

вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет» (Мф. 17:20): *Будь моя и с гору вера, // Сомневаюсь всё равно, // Что подвину я, к примеру, // Хоть горчичное зерно* (*вера с горчичное зерно* $\wedge$ *гора двинется* $\rightarrow$ *вера с гору* $\wedge$ *горчичное зерно двинется*). Полной трансформация подверглась и грамматическая структура исходного текста (изменилось лицо актанта, «движителя горы», со второго на первое, поменялась синтаксическая роль компонента с *горчичное зерно*), и лексический состав (эллипсис всей ситуации *скажи горе сей*, изменился характер глагола движения).

Отдельным поэтическим приёмом следует признать **кумуляцию** преобразованных фразеологизмов, которые, не сливаясь (что привело бы к их контаминации), взаимодействуют друг с другом на пространстве целого текста. Напр., обращаясь к «своей горе», Н. Моршен завершает стихотворение с соответствующим названием «Моей горе» такой строфой: *Будь собой, не печалься и не подражай — // Ты ведь тоже дитя литосферы. // Не ходи к Магомету, мышей не рожай // И чужою не двигайся верой* (Там же: 126). *Будь собой* — эллипсис известного афоризма Оскара Уайльда *Будь собой; прочие роли уже заняты* (в оригинале *Be yourself; everyone else is already taken*); *дитя литосферы* — трансформ фразеологизма *дитя природы* (калька с французского *l'enfant de la nature*, приписывается Ж.-Ж. Руссо): замена компонента, основанная на метонимии; *не ходи к Магомету* — подвергнутое эллипсису, замене компонента (*идти* $\rightarrow$ *ходить*) и синтаксическому преобразованию (компонент *гора* вынесен в заглавие текста, модальность представлена повелительным наклонением) крылатое выражение *Если гора не идёт к Магомету, то Магомет идёт к горе*, предположительно восточного происхождения (Ашукины, 1955: 180-181); *мышей не рожай* — также трансформированное крылатое выражение *Гора родила мышь*, восходящее к басне Эзопа, известной только в переделке Федра (Там же: 130): кроме перечисленных выше преобразований, относящихся к предыдущему фразеологизму, здесь имеют место внутренняя морфологическая трансформация (*мышь* $\rightarrow$ *мышей*) и переход утвердительной формы в отрицательную; последний из выделенных трансформов восходит к рассмотренному выше евангельскому изречению о вере с горчичное зерно, которая может сдвинуть гору (возможно, являющемуся и одним из источников выражения о Магомете), — в основе данной трансформации, кроме изменения компонентного состава, лежит также **конверсия ситуации** (п. 2.2.5): *вера двигает гору* $\rightarrow$ *гора двигается верой*. Итак, перед нами цепочка из пяти трансформов, три из которых изначально связаны общим компонентом *гора*, в четвёртом он имплицирован в значении слова *литосфера*, а пятый, видимо, был «втянут» в процесс кумуляции (или задал его, находясь в начале цепочки).

Приём кумуляции трансформированных фразеологизмов во многих

стихотворениях Н Моршена («Норма брака», «Воспаление зрительного нерва», «Шиворот-навыворот» и др.) становится **текстообразующим**: такие стихотворения уже носят характер **фразеологических центонов**. Стихотворение «Сбившемуся с тропы» (Моршен Н., 2000: 159) начинается с представления реальной ситуации, в которой неожиданно начинают **актуализироваться буквальное значения** (Мелерович А.М., Мокиенко В.М., 2005: 20) расхожих идиом и паремий: *Когда на выжженной скале // Ты встретишь ночь в упор // И холод спустится — во мгле // Раскладывай костёр* — ключевым для дальнейшей трансформации становится образ костра, в котором буквально сжигаются все предметы, послужившие для мотивации образного значения исходных фразеологизмов:

Клади в него [костёр] (1) весь мох сперва, // Которым ты оброс, // (2) Все палки, что из озорства // Совал промеж колес; // (3) Все щепки, что летели врозь, // Когда ты лес рубил, // И (4) сучья все, что на авось // Ты под собой пилил; // (5) Сор из избы (хоть и давно // Ты выносил его), // (6) Труху из сердца и (7) бревно // Из глаза своего.

Семь выделенных трансформов объединяет наличие в их составе компонента с семой (не всегда центральной, дифференциальной) ‘то, что может гореть’ (выделен курсивом), ставшим основой для их соположения. Буквализация и одновременно непрекращающаяся связь с переносным значением, лежащим большей частью в области ментальных действий (‘закосячить’, ‘разглашать’, ‘ошибаться’ и т.д.), вносят в стихотворение идею очищения (в огне) былых ошибок и грехов.

Таким образом, основные функции преобразования фразеологизмов и паремий в поэзии Николая Моршена связаны с текстообразованием, созданием **образной структуры** текста.

Литература

Агеносов, В.В. Литература русского зарубежья (1918-1996) / В.В. Агеносов. М.: Терра. Спорт, 1998. 543 с.

Ашукин, Н.С. Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. М., 1955. 667 с.

Мелерович, А.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. 2-е изд. / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. М.: Русские словари: Астрель, 2005. 853 с.

Моршен, Н. Пуще неволи. Стихи / Н. Моршен. М.: Советский спорт, 2000. 376 с.

Summary. The article touches upon the problem of idiom and proverb transformations created by Nikolai Morshen, Russian emigrant poet of the “second wave”. It considers the application of standard and occasional transformations in Morshen’s poetry in general, and the cumulation of transforms and their text-constructive function as a certain literary technique in particular. The conclusion made upon the research broadens ones notion of phraseme use in poetical texts.